

УДК 341.9(476)

DOI 10.34822/2312-3419-2019-4-98-102

Михайлов Д. И., Потапова Т. В.

Mikhailov D. I., Potapova T. V.

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ НОРМ ЧАСТНОГО ПРАВА ДЛЯ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ИНВЕСТИЦИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ
НА ОСНОВАНИИ НОРМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

**DEFINITION OF RULES OF PRIVATE LAW FOR REGULATION
OF INVESTMENT AGREEMENTS WITH A FOREIGN ELEMENT
BASED ON LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE REPUBLIC OF BELARUS**

В настоящей статье рассмотрена проблема определения права, применимого в качестве регулятора отношений, складывающихся между иностранными инвесторами и юридическими лицами на основе соглашений о вложении в уставный фонд имущественных прав и иных объектов (инвестиционные соглашения).

The article discusses the problem of determining the applicable law as a regulator of agreement based relations between foreign investors and legal entities on investments in the authorized capital of property rights and other objects (investment agreements).

Ключевые слова: частное право, инвестиционное соглашение, коллизионные нормы, уставный капитал, применимое право, иностранный элемент, место учреждения, место нахождения.

Keywords: private law, investment agreement, conflict of laws rules, authorized capital, applicable law, foreign element, place of establishment, location.

При вложении инвестиций в уставный капитал (или в уставный фонд по законодательству Республики Беларусь) юридического лица может возникнуть ситуация, при которой появится необходимость или целесообразность заключения соглашения (договора) между иностранным инвестором и организацией, в уставный капитал которой он обязуется внести имущество. Целесообразность (необходимость) заключения подобных соглашений, которые, на наш взгляд, следует именовать инвестиционными, в частности, может возникнуть в следующих случаях:

- при вложении в уставный капитал имущественного права аренды;
- при передаче инвестором (участником) в пользу юридического лица права на получение дохода от участия в кооперационных соглашениях;
- при передаче юридическому лицу права на результаты интеллектуальной деятельности в качестве вклада в уставный капитал;
- при вложении в уставный капитал одной коммерческой организации права на долю или пай в уставном капитале другого юридического лица и в ряде иных случаев.

Учитывая, что инвестиционное соглашение является многосторонней гражданско-правовой сделкой (договором), возникает вопрос о выборе норм частного права определенного государства в качестве регулятора отношений сторон, если в качестве одной из них выступает иностранный инвестор. Такой выбор осложняется рядом проблем квалификации имущественно-стоимостных отношений, складывающихся между иностранным инвестором и юридическим лицом, как обычных, договорных (обязательственных) или корпоративных.

Исходя из предположения о классической договорно-правовой природе отношений, возникающих на основании инвестиционных соглашений, следует констатировать обеспеченную коллизионными нормами возможность выбора регулятора данных отношений. Инструментом такого выбора, как известно, является соглашение о применимом праве, возможность заключения которого обусловлена диспозитивным характером коллизионных норм о сделках, содержащихся в гражданских кодексах и специальных законах о международном частном праве многих государств, в том числе и в ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК России) и ст. 1124 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее ГК Беларуси) [1–2]. В отсутствие реализации права на заключение соглашения о применимом праве, частное право – регулятор договорных отношений компании и иностранного инвестора должно быть определено с помощью детализированных систем коллизионных привязок, также содержащихся в нормативных правовых актах о международном частном праве большинства государств. Исходя из рассматриваемого допущения, например, соглашение о передаче иностранным инвестором в качестве вклада в уставный капитал общества с ограниченной ответственностью обязательственного права аренды индивидуально-определенной вещи может регламентироваться гражданским правом государства постоянного нахождения (учреждения или жительства) иностранного инвестора. Так как, согласно п. 3 и п. 2 ст. 1211 ГК России п. 3 ст. 1125 ГК Беларуси, в отсутствие соглашения о применимом праве договорные (обязательственные) отношения аренды следует регламентировать с помощью системы гражданского (торгового) права того государства, где имеет постоянное место нахождения (жительства) арендодатель [1–2].

Согласно п. 15 и п. 1 ст. 1125 ГК Беларуси аналогичным образом в качестве регулятора соглашения между иностранным инвестором и юридическим лицом, в уставный капитал которого передается исключительное право на тот или иной объект промышленной интеллектуальной собственности, будет признано частное право государства места нахождения (жительства) инвестора, выступающего в рассматриваемых отношениях лицензиаром.

Согласно п. 7 ст. 1211 ГК России к соглашению о передаче исключительных прав на объекты промышленной и иной интеллектуальной собственности, в отсутствие соглашения о применимом праве должно применяться право государства, на территории которого данное право может быть реализовано, а при наличии нескольких государств – право государства, на территории которого имеет постоянное место нахождения или жительства правообладатель.

Вместе с тем раздел VI ГК России содержит коллизионную норму, регламентирующую определение частного права, подлежащего применению к отношениям, складывающимся по поводу создания юридического лица, а равно по поводу увеличения его уставного капитала за счет вкладов новых участников (инвесторов). Согласно п. 2 ст. 1214 ГК России к рассматриваемым отношениям подлежат применению нормы частного права того государства, в котором соответствующее юридическое лицо учреждено или подлежит учреждению согласно договору о создании данной организации. В отличие от указанной нормы ГК России ст. 1126 ГК Беларуси содержит сходное положение, согласно которому к отношениям, складывающимся по поводу создания юридического лица, но не по поводу увеличения уставного капитала ранее созданной коммерческой организации, подлежат применению нормы частного права государства, в котором учреждается соответствующее юридическое лицо [2]. Таким образом, следует констатировать, что обладатель права аренды или права на объект интеллектуальной собственности, вкладываемого в уставный капитал коммерческого юридического лица, может иметь постоянное место нахождения на территории другого государства, а не той страны, где учреждено или учреждается соответствующее юридическое лицо. В связи с этим возникает вопрос о правильном определении соотношения коллизионных норм применительно к отдельным сделкам, на основании которых имеет место передача юридическому лицу имущественных прав. При этом следует отметить, что передача юридическому лицу права аренды и аналогичных обязательственных прав включает в себя уступку

права требования, к которой согласно правилу п. 1 ст. 1216 ГК России применяется частное право как регулятор договора аренды, а не право государства, где было учреждено юридическое лицо, являющееся адресатом уступки права аренды (цессионарием) [1], в уставный капитал которого вкладывается право аренды.

Анализируя проблему выбора права, применимого (в отсутствие соглашения) к отношениям, складывающимся по поводу вложения обязательственных прав в уставный капитал коммерческой организации, нельзя не учитывать их сходство с отношениями по поводу заключения и исполнения акционерных и иных корпоративных соглашений, оказывающих влияние на управление компанией, но не затрагивающих ее устав. Как справедливо отмечает С. И. Федоров, в европейском праве не ставится под сомнение обязательно-правовая природа таких (корпоративных) соглашений: они являются обыкновенными гражданско-правовыми договорами, а не корпоративными актами [3]. Исходя из этого можно заключить, что сделки, на основании которых в уставный капитал вкладываются обязательственные права, тем более не являются корпоративными актами, а следовательно, эти права должны регламентироваться частным правом того государства, к которому отсылают коллизионные нормы о соответствующих сделках, а не законом страны учреждения корпорации.

Основные признаки континентальной (обязательно-правовой) модели корпоративных договоров были удачно обобщены в экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства: «Предлагаемое регулирование, таким образом, основано на том, что соглашение акционеров: 1) не является «параллельным» уставу документом, претендующим на решение вопросов, которые могут решаться только в законодательстве и уставе общества; 2) не содержит условий, закрепляющих компетенцию органов общества, или отличный, противоречащий закону, порядок их избрания; 3) являясь обязательным только для сторон, не предоставляет права и не устанавливает обязанности для третьих лиц; 4) не влияет на действительность решений органов общества; 5) не является договором об отказе от права, а представляет собой соглашение, определяющее особенности реализации, осуществления прав акционера» [4–5]. С нашей точки зрения, целесообразно провести сравнительный анализ инвестиционных соглашений о вложении обязательственных прав в уставный капитал корпорации с учетом признаков, свойственных, по мнению Совета при Президенте РФ, корпоративным соглашениям. Инвестиционное соглашение о вложении обязательственного права также не может претендовать на решение вопросов, которые могут разрешаться в уставе корпорации. Однако условия такого соглашения могут оказать существенное влияние на положения устава корпорации, тогда как корпоративное соглашение в принципе не должно оказывать подобного влияния. В отличие от корпоративного соглашения инвестиционное соглашение, содержащее условие о вложении обязательственного права в уставный капитал, может затрагивать интересы другой стороны договора, на основании которого возникло соответствующее обязательственное право (например, арендодателя). Инвестиционное соглашение, содержащее условие о вложении обязательственного права в уставный капитал, представляет собой юридический факт, являющийся этапом передачи этого права от инвестора к корпорации, что несвойственно корпоративному соглашению. Подводя итог краткому сравнительному анализу корпоративного и инвестиционного соглашений с позиции близости к обязательственным или корпоративным отношениям, следует заключить, что, с одной стороны, рассматриваемое инвестиционное соглашение значительно ближе к классическим договорным обязательствам (обязательственным правам), а с другой – и к корпорации, в уставный капитал которой участником инвестиционного соглашения вкладывается обязательственное право. В этой связи следует отметить, что даже применительно к корпоративным соглашениям, которые, на наш взгляд, значительно ближе к обязательственным, чем к корпоративным, существует позиция, согласно которой и эти соглашения находятся на стыке двух областей частного права (корпоративного и обязательственного права), которым свойственны противоположные подходы на уровне международного частного права [5]. Как справедливо отмечает С. И. Федоров, акци-

онерное (корпоративное) соглашение в рамках англо-американской модели по своей правовой природе является «вторым уставом», одним из корпоративных актов [3, с. 55].

На наш взгляд, при выборе регулятора инвестиционных соглашений с иностранным элементом приведенные и аналогичные им диспозитивные нормы международного частного права могут применяться исходя из допущения о квалификации соответствующих отношений в качестве классических договорных. Такое спорное квалификационное допущение может основываться на гипотезе о достаточной степени обособленности инвестиционного соглашения от положений устава (учредительного договора) юридического лица, вкладом в уставный капитал которого выступает имущественное или иное право, являющееся предметом инвестиционного соглашения. Значимым аргументом в пользу такой обособленности следует признать формальную независимость данного соглашения от положений учредительных документов юридического лица, во исполнение которых оно заключается. Вместе с тем формальный характер независимости (обособленности) не исключает зависимость факта заключения, а возможно и действительности инвестиционного соглашения, от соответствия его условий нормам корпоративного права (закону юридического лица) и положениям устава организации, в уставный фонд которой иностранный инвестор обязуется вложить имущественное право.

Указанная фактическая зависимость является существенным аргументом в пользу квалификации рассматриваемых отношений не как классических договорных, а как корпоративных. Еще одним значимым аргументом в пользу такой квалификации договорных отношений, складывающихся между инвестором – вкладчиком имущественного права в уставный капитал и соответствующим юридическим лицом, является предметно-сущностная принадлежность соответствующих отношений к отношениям по поводу реализации взаимных прав и обязанностей юридического лица и его участников. По мнению М. М. Богуславского, отношения, возникающие «внутри юридического лица» (внутрикорпоративные отношения), включая отношения юридического лица с его участниками, определяются с помощью личного закона юридического лица [6, с. 128]. При этом, в соответствии с положениями национальных правовых актов о международном частном праве многих государств, личным законом юридического лица признается либо закон государства места его учреждения (Беларусь, Россия, Украина), либо государства места нахождения его органа управления (Австрия, Германия, Швейцария, Испания, Франция) [1–2; 7]. Аналогичные подходы к регламентации личного закона юридического лица нашли отражение в положениях Гаагской Конвенции о признании прав юридического лица за иностранными компаниями, ассоциациями и учреждениями 1956 года и Конвенции о коллизионных вопросах в отношении коммерческих компаний, подписанной в 1979 г. в г. Монтевидео. При реализации любого из указанных подходов к определению личного закона юридического лица отношения, возникающие из инвестиционных соглашений, в частности об условиях вложения в уставный капитал права аренды или исключительного права на объект промышленной собственности, будут регламентироваться не частным правом страны места нахождения (жительства) иностранного инвестора, выступающего арендодателем, лицензиаром и т. п., а правом государства места учреждения или нахождения органа управления юридического лица, которое согласно условиям инвестиционного соглашения может являться арендатором, лицензиатом или аналогичным субъектом обязательства, чьи права и обязанности в меньшей степени обусловлены спецификой соответствующего обязательства. В отличие от регламентации классических договорных отношений в международном частном праве, регламентация корпоративных отношений с иностранным элементом на основе рассмотренных коллизионных норм о личном законе не предполагает автономию воли сторон и возможность изменения закона, регламентирующего правоспособность и дееспособность юридического лица, с помощью соглашения о применимом праве юридического лица и его участника.

Однако указанный подход, который в значительной степени соответствует смыслу коллизионных норм, закрепленных в ГК России и в ГК Беларуси, сложно назвать эффектив-

ным с точки зрения концепции места исполнения обязательства, корреспондирующего обязательственному праву, вкладываемому в уставный капитал корпорации. В этой связи следует привести аргумент Ф. К. Савиньи в пользу приоритета определения применимого частного права, исходя из места исполнения регламентируемого им обязательства: «выбирая место исполнения обязательства, стороны добровольно подчиняют свои действия праву этой страны» [8, с. 360; 9, с. 310]. Обязательственные права, вложенные в уставный капитал корпорации, безусловно, окажут влияние на ее устав, но от этого не потеряют тесной связи с местом их исполнения.

Таким образом, с точки зрения правоприменения и защиты имущественных интересов третьих лиц, например, других участников коммерческой организации, не являющихся стороной инвестиционного соглашения, определение применимого права с помощью личного закона юридического лица имеет ряд существенных преимуществ перед определением такого права с помощью коллизионных норм о сделках и правил о пророгационном соглашении. Одним из таких преимуществ является подчиненность обязанностей всех участников компании нормам одной системы гражданского права, что, как правило, в большей степени обеспечивает соблюдение баланса интересов всех участников юридического лица.

Однако, с точки зрения стимулирования иностранных инвестиций, применение личного закона юридического лица к инвестиционным соглашениям существенно уступает их регламентации с помощью коллизионных норм о внешнеэкономических сделках, что позволяет сделать вывод о целесообразности детального исследования и обоснования проблемы квалификации имущественно-стоимостных отношений, возникающих на основе инвестиционных соглашений, и выработки мер по уточнению норм национального законодательства о международном частном праве с учетом системно-правовой и экономической целесообразности.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая : принята Государственной Думой 22 декабря 1995 года (по состоянию на 25 марта 2017 г.) // Гражданский кодекс Рос. Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. М. : Проспект, 2017. 624 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь : принят Палатой представителей 28 октября 1998 г. : одобр. Советом Республики 19 ноября 1998 г. // Консультант Плюс: Беларусь.
3. Федоров С. И. Правовое регулирование корпоративных договоров и модернизация гражданского права России // Вестн. граждан. права. 2013. № 1. С. 52–98.
4. Экспертное заключение Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «Об акционерных обществах» (принято 29 октября 2007, протокол № 52) // Вестн. граждан. права. 2008. № 1. С. 65–80.
5. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договоров об осуществлении корпоративных прав (корпоративных договоров) // Предпринимательское право: информ.-аналит. портал. URL: <http://lexandbusiness.ru/> (дата обращения: 09.10.2019).
6. Богуславский М. М. Международное частное право. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юристъ, 1999. 408 с.
7. О международном частном праве : закон Украины от 23 июня 2005 года № 2709-IV // URL: http://www.cisg.ru/content/download/ipr_ua_rus.pdf; (дата обращения: 13.09.2019).
8. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М. : Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
9. Yntema H. The Historic Bases of Private International Law // American Journal of Comparative Law. 1953. Vol. 2. P. 297–317.